

УДК 94(47)"1903–1915"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/58/5

ПРОБЛЕМАТИКА РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В СТАТЬЯХ И ПРОПОВЕДЯХ МИТРОПОЛИТА АНТОНИЯ (ХРАПОВИЦКОГО)*

А.А. Иванов

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Авторское резюме

В статье впервые подробно исследуется отношение видного деятеля Русской православной церкви, известного богослова, митрополита (в рассматриваемый период – епископа и архиепископа) Антония (Храповицкого) к идеологии и практике русского национализма в начале XX в. Особое внимание уделено критике с православно-консервативных позиций «племенного», «язычествующего», «зоологического» национализма, отношению архиерея к «русскому вопросу», антисемитизму и космополитизму. Принимая классическое славянофильство как течение национальной мысли, не противоречащее церковному мировоззрению, владыка отвергал неославизм и национализм западнического образца как идеологии, конфликтующие с православным учением. Не являясь противником русского национализма как такового (точнее, необходимости укрепления русского национального самосознания и защиты русских интересов в Российской империи), владыка Антоний, будучи приверженцем консервативных политических взглядов, не избегал сотрудничества и с русскими националистами. При этом архиерей неоднократно обращался в их адрес с критикой, имевшей характер пастырского наставления, призванного удержать русских националистов от копирования идеологии и практики западноевропейских форм национализма, осуждая такие неприемлемые для него явления, как расизм, радикальный антисемитизм, ксенофобия, секуляризм, национальный эгоизм. Вместе с этим Антоний (Храповицкий) предпринимал попытки направить русский национа-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 19-09-00096 «Российское православное духовенство и русский национализм в конце XIX – начале XX века».

лизм в церковно-патриотическое русло, поставив его на службу мессианской идее – сохранению и защите чистоты православной веры и православного характера российской государственности. В основу исследования легли статьи, речи и проповеди Антония (Храповицкого), опубликованные в дореволюционной церковной и светской периодике. Часть публицистического наследия православного архиерея вводится в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Антоний (Храповицкий), Русская православная церковь, православное духовенство, русский национализм, русский консерватизм, неославизм, православие и национализм, антисемитизм.

PROBLEMS OF RUSSIAN NATIONALISM IN PAPERS AND SERMONS OF METROPOLITAN ANTHONY (KHRAPOVITSKY)*

A.A. Ivanov

St. Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Abstract

The paper for the first time takes a close look at the attitude of the prominent figure of the Russian Orthodox Church, well-known theologian, Metropolitan (formerly Bishop and Archbishop) Anthony (Khrapovitsky) to the ideology and practice of Russian nationalism in the early 20th century. Special attention is given to the orthodox and conservative criticism of “tribal”, “pagan”, “zoological” nationalism, Metropolitan’s attitude to the “Russian question”, anti-Semitism and cosmopolitanism. Having accepted the classical Slavophilism as a flow of national thoughts compatible with church worldview, Metropolitan repudiated neoslavism and a western model of nationalism as an ideology opposed to the Orthodox teachings. Being anything but an opponent of Russian nationalism per se (more exactly, the need to strengthen the Russian national self-awareness and protection of Russian interests in the Russian Empire), Metropolitan Anthony, as an adherent of conservative political opinions, was ready to cooperate with Russian nationalists as well. However, he used to criticise them in his homiletics, trying to dissuade Russian nationalists from copying the ideology and practice of West

* Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 19-09-00096.

European nationalism and reviling against such reckless phenomena as racism, radical anti-Semitism, xenophobia, secularism, and national egotism. Anthony (Khrapovitsky) made efforts to guide Russian nationalism to the church and patriotism to harness it to the betterment of the messianic idea – preservation and protection of Orthodox faith purity and the Orthodox nature of Russian statehood. The study is based on papers, speeches and sermons of Anthony (Khrapovitsky) published in pre-revolutionary church and secular periodicals. Some of these works have never been introduced to the academic discussion before.

Keywords: Anthony (Khrapovitsky), Russian Orthodox Church, Orthodox clergy, Russian nationalism, Russian conservatism, neoslavism, Orthodox Christianity and nationalism, anti-Semitism.

Биография митрополита Антония (в миру Алексея Павловича Храповицкого, 1863–1936) – видного иерарха Русской православной церкви – в целом достаточно подробно изучена исследователями [24; 29; 33]. В связи с этим напомним лишь основные вехи его жизненного пути. Выходец из старинного дворянского рода (генеральский сын), известный богослов, духовный писатель и публицист, ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии (1890), Московской (1891–1895) и Казанской (1895–1900) духовных академий, Антоний (Храповицкий) последовательно служил епископом Чебоксарским (с 1897 г.), Чистопольским (с 1899 г.), Уфимским и Мензелинским (с 1900 г.), Волынским и Житомирским (1902–1914, с 1906 г. – архиепископ), архиепископом Харьковским и Ахтырским (1914–1917) [23]; был членом Государственного совета (1906–1907) и Святейшего синода (1912–1916). В 1917–1918 гг. владыка являлся членом Поместного собора, на котором активно выступал за восстановление патриаршества, был избран кандидатом на патриарший престол и получил наибольшее число голосов (но по жребию из трех кандидатов патриархом был избран митрополит Московский Тихон). В годы гражданской войны Антоний (Храповицкий) недолго занимал кафедру митрополита Киевского и Галицкого (1918), был арестован петлюровцами, а затем, находясь на территориях, контролируемых белым движением, возглавлял Временное высшее церковное управление юго-востока России. Покинув страну после поражения врангелевской армии, митрополит Антоний внес большой вклад в сохранение русской церковной организации в эмиграции, возглавлял Архиерейский синод Русской православной церкви за границей и вплоть до своей кончины в 1936 г. являлся ее первоиерархом, сохраняя титул митрополита Киевского и Галицкого [44].

Однако если биографии, богословию, церковной, политической и общественной деятельности [14; 25; 37] владыки посвящен в общей

сложности не один десяток работ, то его отношению к набиравшему в начале XX в. силу русскому национализму уделено значительно меньше внимания. Кратко эта проблема затрагивалась в монографии американского историка, посвященной отношению дореволюционной православной российской церкви к национализму (хотя акцент в ней был сделан не столько на национализме, сколько на патриотизме) [1], а также в статье о воззрениях архиерея на еврейский вопрос [40], в исследовании о взаимоотношениях монархических организаций Малороссии и украинского национального движения [39] и в работе о неоднозначном отношении российского православного духовенства к русскому национализму [20]. Однако предметом специального исследования взгляды митрополита Антония (Храповицкого) на идеологию и практику русского национализма начала XX в. до настоящего времени не становились.

Прежде чем перейти к анализу отношения Антония (Храповицкого) к русскому национализму, важно отметить, что архиерей исповедовал консервативные политические взгляды и являлся активным участником монархического движения. Владыка был почетным членом элитарной монархической организации – Русского собрания [26: 32], в котором неоднократно выступал с докладами [37: 35]. Он поддерживал черносотенное движение (в 1909 г. даже обратился с ходатайством об издании Священным синодом циркулярного распоряжения, чтобы в православных храмах члены Союза русского народа могли беспрепятственно выставлять свои знамена [30: 236], был участником ряда монархических форумов, являлся почетным председателем почтаевского отдела Союза русского народа [37: 35] и входил в правую группу Государственного совета [16: 302]. По сообщению подольского губернатора, «деятельность этого архипастыря как на ниве религии, так и на арене защиты русских интересов в крае была неизмеримо плодотворна, а благодаря выдающейся его трудоспособности нужно признать деятельность его незаменимой» [30: 67–68]. Как отмечается в биографической статье об Антонии (Храповицком), опубликованной в официальном издании Московского патриархата «Православная энциклопедия», правые монархические взгляды и активная поддержка монархического движения снискали ему «в либеральных и революционных кругах репутацию черносотенца» [44: 648].

К правому политическому спектру (хотя и с определенными оговорками) принадлежали и основные политические объединения русских националистов начала XX в. – Всероссийский национальный союз, Всероссийский национальный клуб, Киевский клуб русских националистов, думская фракция националистов и умеренно-правых, группа правого центра Государственного совета и другие род-

ственные им структуры. Однако отношения между крайне правыми (черносотенцами) и националистами, для которых было характерно сочетание как консервативных, так и умеренно-либеральных принципов, были далеко не безоблачными. С одной стороны, крайне правые и националисты нередко блокировались и заключали тактические союзы (как на выборах в Государственную Думу, так и при отстаивании ряда консервативных ценностей), с другой – их разделяли идеологические противоречия (для первых приоритетным были защита православия и самодержавия, для вторых – нации), и конкурентная борьба [20].

Таким образом, важно учитывать, что на взгляды Антония (Храповицкого) на русский национализм и националистов, помимо церковных воззрений, накладывали отпечаток его личные политические предпочтения и конкретные политические реалии думской монархии.

Несмотря на свою принадлежность к крайне правому политическому лагерю, Антоний (Храповицкий), исходя из православного отношения к национальному вопросу, был чужд воинствующего антисемитизма. После кровавого кишиневского погрома, случившегося в пасхальные дни 1903 г., волынский архипастырь выступил в житомирском кафедральном соборе с проповедью, позже растиражированной в газетах и опубликованной отдельной брошюрой, в которой резко осуждал насильственные действия христиан над иудеями, называя их «печальными» и «позорными», а сам погром – «жестоким, бесчеловечным избиением несчастных евреев» [35]. При этом, несмотря на неприятие им иудаизма и его критику с христианских позиций, владыка указывал пастве, что «и поныне отвергнутое племя еврейское дорого Духу Божию», а потому «прогневляет Господа всякий, кто пожелал бы обижать его». Более того, называя иудеев «врагами христовой веры», архиепископ призывал русских людей учиться у них преданности своему закону, трудолюбию, отношению к семье и послушанию. «Страшись же, христианин, обижать священное, хотя и отвергнутое племя. Страшная казнь Божия постигает тех злодеев, которые проливают кровь, родственную Богочеловеку, Его Пречистой Матери, апостолам и пророкам. Не говори, что эта кровь священника только в прошедшем, а знай, что и в будущем их ожидает приобщение Божескому естеству (2 Петр. 1, 4)... <...> Ни об одном народе – ни о русском, ни о греках – не сказано, что все потомки их спасутся в свое время, а об евреях это сказано. Пусть же знают жестокие кишиневские убийцы, что они истребляли будущих христиан, находящихся в чреслах теперешних евреев, что они явились дерзкими противниками промысла Божия, мучителями народа, возлюбленного Богом и по самом его отвержении (11, 28)» [35].

С критикой «племенного» антисемитизма, свойственного как многим крайне правым, так и националистам, Антоний (Храповицкий) выступал и в других своих статьях и речах. Указывая христианам-антисемитам на то, что они должны руководствоваться в своем отношении к еврейству православным вероучением, владыка осуждал нападки по национальному признаку, которые приводили некоторых русских национал-патриотов к критике Ветхого Завета и ветхозаветных еврейских праведников. «Можно ли, например, без горячего негодования читать рассуждения покойного генерала Драгомирова об Иосифе Прекрасном как фокуснике, пройдохе и вымогателе? [17: 415] – возмущенно писал архиерей в 1907 г. – Боже мой! Ведь этот великий праведник более всех ветхозаветных угодников Божиих уподобился Христу по своим подвигам правдолюбия, братолюбия, целомудрия и неповинных страданий; в церкви мы молимся ему во дни говения Великого Понедельника; а в домах читаем безрассудные хулы на святого. Читайте современных евреев вредными людьми, боритесь с ними всеми законными средствами, если это согласно с вашими мыслями о нуждах родины, но *“не прикасайтесь помазанным Моим и пророкам Моим не мыслите зла”*» (Пс. 104, 15)» [2: 123].

Высказывание бывшего киевского, подольского и вольнского генерал-губернатора М.И. Драгомирова, видимо, так возмутило архиерея, что в 1913 г., обращаясь к командующему Киевским военным округом генерал-адъютанту Н.И. Иванову, архиепископ Антоний снова обратился к этому примеру: «К сожалению, в наше время не только нигилисты-революционеры, но и многие монархисты, консерваторы находят вполне достаточным для себя как военачальника обнаруживать лишь внешнее почтение к Церкви и не стыдятся говорить и даже печатать, якобы во имя национализма и юдофобства, кощунственные отзывы о святых Божиих, напр. об Иосифе Прекрасном, которого они представляют типичным евреем – политическим интриганом, и которому мы, православные люди, а с нами и православные солдаты, молимся, как и святителю Николаю или преподобному Сергию» [32: 57].

Разделяя позицию архиепископа Антония в «еврейском вопросе», другой видный православный богослов, священник А.А. Глаголев, писал: «В этих словах нашего авторитетного богослова, просвещенного архипастыря и пламенного патриота дано определенное указание, что Церковь не может благословлять никаких замахов на свои святыни, одною из каких является Ветхий Завет, хотя бы эти замахы мотивировались самою благородною, например, патриотическою целью; что спасение отечества не может достигаться кощунственными вылазками против святых писаний и священных лиц Ветхого Завета» [15: 11].

Считая, что подлинное братство между православными русскими и евреями-иудеями не может быть достигнуто, поскольку такого братства с христианами не желают и сами иудеи, архиерей призывал обе стороны к «взаимному уважению, взаимному терпению и взаимной помощи», что считал вполне достижимым, если евреи «возвратятся к быту религиозному и прекратят свою революционную и деморализационную деятельность» [2: 134].

Не испытывая особых симпатий к современному ему еврейству, архиепископ Антоний твердо выступал против беззакония в отношении евреев, критиковал «племенной» антисемитизм, уравнивавший ветхозаветных праведников, евреев-талмудистов и атеистов-революционеров еврейского происхождения. Допуская религиозное, экономическое и политическое противодействие еврейству (которое в частном письме к философу Н.А. Бердяеву назвал «племенем в общественной жизни вредным – и в экономическом, и в нравственном отношении» [40: 324]), владыка считал такое противодействие возможным только в строго законных рамках, не противных христианскому учению. Решение «еврейского вопроса» в религиозном отношении виделось ему, как и большинству православных богословов, в принятии евреями христианства, а в бытовом плане архиерей видел пути к его ослаблению в отказе русских националистов от этнического подхода к еврейству, а иудеев – от своих «революционеров-безбожников», которые провоцируют рост антисемитских настроений в русском обществе. «Пусть они (революционеры-атеисты еврейского происхождения. – А.И.) погибнут в беславии вместе с отщепенцами русского народа, – заключал владыка. – Мы, русские христиане и чтущие Бога отцов своих иудеи, рождены для познания воли Господней, для научения людей добродетели, для умерщвления греховных страстей. В этом всемирное призвание священного Востока, и не нам, и не вам менять его на жалкую суету безбожной западной культуры, работающей только чреву и карману» [2: 137].

Впрочем, в зависимости от конкретной ситуации владыка мог быть как защитником, так и обличителем еврейского народа, но то же самое справедливо будет сказать и о его отношении к народу русскому. И хотя, как отмечает современный исследователь, владыка порой грешил «антиеврейскими пассажами», в целом «отношение к евреям у него было исключительно религиозным, терпимым. Неприемлемыми для него оставались лишь революционеры и атеисты, какой бы национальности они ни были» [40: 326].

Поддерживая русское монархическое движение, архиепископ Антоний пытался удерживать его от националистических крайностей, указывая черносотенцам на необходимость сверять свои взгляды и

действия с евангельскими заветами и церковным преданием. В одной из бесед с членами житомирского отдела Союза русского народа архиерей около часа рассказывал черносотенцам о русской народности и ее месте в системе православных ценностей. Как сообщало епархиальное издание, во время этой беседы «высокий лектор выяснил разницу между любовью русских людей к своей народности и западным национализмом. Разница эта заключается в том, что другие народы целью своих стремлений поставляют свое земное благополучие, господство и власть над другими народами, которые должны работать для их обогащения, а русский народ ставит выше своих земных интересов распространение Христовой веры и благочестия, и свое земное благополучие ставит ни во что в сравнении с этими идеальными задачами» [21: 333–334]. В западном национализме архиерей видел возрождение «себялюбивого и жестокого язычества», в правильном же понимании задач русской народности – «усвоение евангельских добродетелей», сохранение и распространение христианской веры, а также верность самодержавию, т. к. «осуществление идеальных стремлений русского народа невысказано, если во главе его не будет стоять помазанник Божий» [21: 334].

В 1909 г. архиепископ Антоний развил эти идеи во время выступления на торжественном собрании другой черносотенной организации – Русского народного союза имени Михаила Архангела. Отмечая, что национализм у «современных племен Европы» уже стал преобладающим началом общественной и государственной жизни, «их политической аксиомой», владыка указывал, что русский политический национализм появился в «подражание народностям западным», сродни тому, как ранее образованное русское общество увлеклось противоположной национализму, но также заимствованной на Западе идеей космополитизма [7: 1015].

Развитие в Европе «племенного» национализма Антоний (Храповицкий) связывал с традицией римского язычества, которое оказало влияние на формирование западного общества. С ослаблением христианских начал языческое самолюбие и «стадный эгоизм» стали основой европейского национализма, в результате которого сильные западные народности включились в борьбу за господство над народностями более слабыми. «Это иногда, пожалуй, и естественно, но здесь нет ничего высокого, вдохновляющего, святого, – наставлял архипастырь. – <...> Не старайтесь придавать вашему западническому патриотизму характера нравственного, этического, а поставьте его на один уровень с любой акционерной компанией или торговым союзом» [7: 1016]. Альтернативой такому национализму владыка считал русский патриотизм, проникнутый «подлинными историческими

основами жизни народной», в котором ценности духовного порядка стоят выше самосохранения, а также внешнего усиления государства и народности: «Не так чувствовал и чувствует свою любовь к родине народ русский. Не целью своей деятельности мыслит он свою страну и себя самого, а служебной силой для иной высшей цели, цели святой, божественной и всемирной. Нося в себе непоколебимую уверенность в неповрежденном сохранении учения Христова, народ русский защищал и отстаивал с таким самоотвержением свою страну именно как хранилище божественной истины, как служительницу евангельского благочестия: не себя самого, не свое благополучие, а это духовное сокровище, ему вверенное, его охранение и расширение почитают русские люди высшим направителем своей и личной, и общественной, и государственной жизни». Таким образом, резюмировал владыка, «самосознание русское, народное есть самосознание не расовое, не племенное, а вероисповедное, религиозное». И именно поэтому русский народ не должен принимать западнический «расовый национализм», оставаясь верным «религиозному, вселенско-церковному патриотизму» [7: 1016–1017].

Очевидно, что становление в 1908–1910 гг. первой в истории России партии русских националистов – Всероссийского национального союза [27, 34], пользовавшейся поддержкой П.А. Столыпина, развитие активной деятельности фракции националистов в III Государственной Думе, возникновение национал-демократических структур [41, 42] и общественная полемика о национализме [28] вынуждали Антония (Храповицкого) раз за разом возвращаться к этой теме. Не последнюю роль играло и то обстоятельство, что национализм встречал поддержку у части православного русского общества, увидевшего в нем противоядие либеральному космополитизму и левому интернационализму. Приведенные выше доводы против национализма западноевропейского образца владыка повторял во время беседы с наследником сербского престола кронпринцем Георгием, отметив, что «патриотизм сербский поучителен, во-первых, потому, что он не подобен европейскому беспринципному национализму, который является просто расширенным себялюбием, коллективным эгоизмом, коллективною гордыней», а во-вторых, тем, «что он не отрывает сердца своих последователей от другого духовного отечества <...> от вселенской Христовой Церкви» [22: 807]. Практически каждый год, начиная с 1908-го, владыка касался темы национализма либо в проповедях, либо в беседах, либо в статьях.

В марте 1910 г. Антоний (Храповицкий) провел беседу о национализме с будущими пастырями – семинаристами. Как кратко сообщало епархиальное издание, архиерей в своей беседе указывал на

то, что «это направление появилось собственно в последние годы и заявило о себе с особой силой как результат отрезвления общества от космополитических идей, усердно проповедуемых социалистами и революционерами». Но, несмотря на это, православному духовенству следует идти вместе с националистами только тогда, когда последние «не нарушают прав Церкви и не восстают против религии». «Нужно сказать, что националисты нередко становятся во враждебные отношения к православию, – говорил архиерей. – По своему характеру наш национализм является направлением весьма неустойчивым и неопределенным».

Проведя далее разделение между национализмом государственным и племенным, владыка признавал первый ненадежным («объединение людей различных верований в одном государстве является непрочным»), а второй – искусственным и безыдейным («одно только племенное родство людей между собою не имеет большой цены»). К «племенному» национализму владыка Антоний отнес неославизм, особо подчеркнув, что «самым близким к православной церкви направлением является славянофильство в том виде, в каком оно выражено в сочинениях Киреевского, Ив. Аксакова и др.», поскольку славянофилы, проповедуя и защищая национальную идею, были «во всем согласны с учением православной церкви» [13: 362].

Последнее замечание было неслучайным. Идеологи русского национализма неоднократно навлекали на себя критику православного духовенства, указывавшего им на порой весьма вольное понимание православного вероучения, недопустимость ревизии церковных канонов и предания, нападков на церковь и ее служителей. В частности, архиепископ Антоний был вынужден дать отповедь известному публицисту, идеологу Всероссийского национального союза М.О. Меньшикову, нередко позволявшему себе весьма сомнительные, с православной точки зрения, пассажи. Считая Меньшикова «дельнее других фельетонистов», человеком «несомненных дарований» и «недюжинного ума», владыка категорически не соглашался с выводами публициста о разложении православного монашества и «потери им даров» и обращал внимание на тот прискорбный для него факт, что автор широко известных «Писем к ближним» «чужд религиозности, чужд христианства, чужд церкви и молитвы» и, по сути, совершил языческое отступление от христианской веры и жизни [5: 543–546]. «Нет, г. Меньшиков, если желаете быть русским националистом и народником, то советую вам монахов любить да жаловать, – писал архиерей. – Смотрите, как их полюбили, когда узнали их наши лучшие писатели – Достоевский, Апухтин, А. Толстой, Киреевский, Муравьев, Норов и др.» [6: 565].

Наиболее полную и законченную форму суждения Антония (Храповицкого) о русском национализме, его месте, опасностях, перспективах и соотношении с православным вероучением нашли отражение в статьях, вышедших в январе 1914 г. В первой из них, с говорящим названием «Что значит быть русским националистом?», опубликованной сначала в газете «Киев» [11], а затем перепечатанной рядом других изданий, архиерей в духе предшествовавших своих выступлений и статей противопоставлял русскую (восточную) культуру западной. В первой из них, писал владыка, религиозно-моральный принцип довлеет над формально правовым, а потому тот русский национализм, что вслед за европейским со страниц «больших и модных газет» демонстрирует свою отрешенность от «религиозных и иных высших целей жизни» и, не стесняясь, призывает общество к энергичной борьбе ради «зоологического самосохранения», для православного человека приемлемым быть не может. «Защищать свой угол, свою берлогу свойственно всякому живому существу, – отмечал он, – но ведь иное дело животное самосохранение, а иное – святое самопожертвование, служение родине как святыне, а не только как коллективному эгоизму: последнее может быть очень энергичным, как служба своему трактиру, своему коммерческому банку, но считать его возвышенным, одушевляющим, требовать на таком служении жертв возможно ли по какой логике?» [11].

По убеждению архиерея, если общими чертами какого-либо племени оказываются не моральные ценности, а только общий язык и происхождение, то «брататься на таком внешнем, даже ничтожном признаке» – то же самое, что объединяться рыжим, лысым или курносым для отстаивания своих природных особенностей. Разве «не сумасшествие, – рассуждал владыка, – что предлагают поклонники «зоологического национализма», желающие объединить нацию вне ее исторических задач и заветов, вне ее веры, вне всего святого и возвышенного? Одно из двух: или признайте самую нацию носительницей высшей идеи, которую она призвана осуществить в истории, или освободите патриотизм от всякой нравственной обязательности и признайте его простой защитой своей шкуры, своей берлоги, своей мелочной лавочки». Но в последнем случае, предупреждал архиепископ Антоний, русские люди в массе своей не пойдут за националистами, «потому что русские люди, не исключая самых рьяных нигилистов, могут идти только за принципом – иногда химерическим, иногда диким, иногда даже прямо разрушительным; но быть стадом обезьян, которые очень дружно и охотно отстаивают свое беспринципное существование, русские люди не могут» [11].

Во второй статье, «Наш национализм и загадка Пушкина» (в дру-

гом варианте – «Наш национализм и задача Пушкина»), увидевшей свет в то же самое время, что и первая [3; 4], архиерей указывал, что русский национализм не всегда оказывается истинно национальным. «Иное дело, – отмечал он, – быть националистом по настроению, по симпатиям, по убеждениям национальным и нравственным; иное дело примыкать к политической программе национальной партии. <...> Националистов принципиальных меньше, чем националистов партийных или политических. Почему? Да потому, что для национализма первого типа нужен нравственный подъем, а для второго – только здравый смысл. При императоре Николае I почти все члены русского общества были политическими националистами по своим государственным убеждениям, но по симпатиям, по государственному настроению духа, по обычаям своей жизни большинство были западниками, скучали в России и в русской деревне, а утешались в Петербурге и в Париже; они молились (изредка, конечно) преподобному Сергию, но восхищались Байроном, слушали в церкви покаянные мефимоны, но наслаждались Поль де Коком» [3; 4: 52].

Однако означала ли критика Антония (Храповицкого), что архипастырь был убежденным противником любых проявлений русского национализма? Очевидно, нет. В тех же публикациях архиерей делал важные оговорки. «У нас мало националистов принципиальных, националистов в полном смысле слова» [3; 4: 53], – с сожалением отмечал владыка, поясняя, что под таковыми он понимает тех, кто ведет борьбу за нравственные идеалы русского народа, т. к. «и внешнее благосостояние государства упрочилось бы при таком направлении жизни гораздо крепче, чем при грубо эгоистическом настроении государственного законодательства; но цель жизни народной была бы не в самом этом благополучии, а в достижении высших нравственных целей, благополучие же явилось бы как следствие» [11].

Антоний (Храповицкий) призывал партийных вождей и идеологов русского национализма отрешиться «от начал только утилитарных», быть «националистами по принципу», «разъяснять и в печати, и на кафедре школьной, и на кафедре представительных учреждений, во имя чего следует отстаивать русское государство, русское племя, русский язык, русский быт», т. е. проповедовать религиозное призвание русского народа, который «теперь один из всех народов сохранил в своем сознании, своем сердце неповрежденным то драгоценное сокровище, которое дано всему человечеству небом, т. е. христианство, и кроме, как от русского народа, неоткуда его теперь заимствовать всем прочим народам», т. к. «только у нас сохранилось разумение первой заповеди Евангелия о смиренномудрии, без коего тщетны все прочие доблести; только у нас сохранился взгляд на жизнь не

как на наслаждение, а как на подвиг, на подвиг самоотвержения и самоусовершенствования» [11].

Таким образом, по мнению архиерея, главнейшая задача русского национализма заключалась в сохранении, преумножении и защите своего духовного наследия и противодействии «безнравственной культуре Запада». «Наш национализм должен обратить душу нашего общества к оставленному им народу, должен выяснить нравственные нужды нашего народа, должен Россию сделать Русью, Святою Русью, должен снова быть для нее равноапостольным Владимиром», – резюмировал архипастырь [11].

Критикуя вождей русского национализма, Антоний (Храповицкий) не чурался общения с ними и был открыт к конструктивному сотрудничеству. Во время выборов в IV Государственную Думу волынский архиепископ возглавил предвыборный комитет, выпустив воззвание, в котором указывал приемлемые, по его мнению, принципы политического объединения православных русских избирателей во время выборов (такowymi провозглашались «исторические начала русской народной политической жизни: православие, самодержавие и русская народность») и одобрял создание в ходе избирательной деятельности блоков и соглашений «с партиями не левее националистов» [31: 267–268; 38: 337].

Таким образом, русские националисты, несмотря на критику их идеологии, рассматривались владыкой пусть и сбившимися с прямого пути, но все же союзниками, а не противниками. При этом архипастырем-монархистом подчеркивалось, что его поддержки на выборах не найдут не только революционеры-атеисты, либералы-космополиты и иноверцы, но и «самые строгие монархисты... отрицающие нашу святую веру, формальные, черствые консерваторы, даже крепостники, надеющиеся обеспечить общественный порядок только усилением карательной власти без веры и Церкви или допускающие последнюю только в качестве пугала для простого народа». Не стоит также искать поддержку у него и «верующим в Бога и верным законной власти лицам, которые захвачены западничеством, англomanией или галломанией, которые полагают задачу России и русского правительства только в том, чтобы пересажать к нам западноевропейские порядки и глубоко презирают наш народ, взирая на него как на *tabula rasa*, как на безвольный материал для всяких административных и мнимо-просветительных упражнений интеллигентных фантазеров» [8]. Приведенные строки наглядно показывают, что владыка был готов дать отповедь не только националистам, но и правым монархистам, если те теряли живую связь с церковью, а также и тем православным христианам, которые, утратив национальное чувство, готовы были

строить в России общество и государство по западноевропейскому образцу.

Показательно, что и русские националисты относились к архиепископу Антонию (Храповицкому) с большим уважением, позволяя ему выступать с наставлениями и критикой (впрочем, всегда корректной и доброжелательной) в их адрес на страницах своих изданий (статья «Национализм и загадка Пушкина» была написана как обращение к читателям-националистам и опубликована на страницах националистического издания «Голос Руси»). Один из лидеров русских националистов В.В. Шульгин вспоминал о владыке: «В прошлом я был с ним глубоко связан, потому что это именно он три раза посылал меня в Государственную Думу. Я долго носил три крестика, символизирующие архипастырское благословение, но утерял их в превратностях жизни» [43: 119]. Другой видный депутат-националист Ф.Н. Безак также отзывался о волынском архиерее с большим уважением, называя его «одним из виднейших иерархов нашей Церкви» [12: 413]. Когда на владыку было совершено покушение, думские националисты послали ему телеграмму следующего содержания: «Глубоко возмущенные кощунственно злодейским преступлением, душою радуемся заступничеству Пречистой, сохранившему самоотверженную жизнь вашего святого первосвященства в прославление веры православной и на благо народности русской» [18: 879].

Однако вожди русского национализма в большинстве своем так и не пошли по пути, который указывал им архиепископ Антоний. Поэтому критику этого идейного течения владыка продолжал фактически вплоть до революционных событий 1917 г. В 1914 г. в одной из своих проповедей владыка называл националистов «мнимыми радетелями народного блага, на самом деле очень далеких от русской нации», так и не сумевшими уловить «своим духовным слухом <...> биение сердца жизни народной» и понять, «чего оно просит от Бога и от тех, кому вверена Богом его судьба». А пока этого не произошло, заключал архиерей, у подобных деятелей нет законного права именоваться националистами [36: 371]. В годы Первой мировой войны в статье «Чей должен быть Константинополь?», позже изданной отдельной брошюрой [9; 10], волынский архипастырь снова возвращался к тем же оценкам и суждениям, что звучали в его речах и текстах ранее. «Не будем уже распространяться о том, что современный "национализм" в русском обществе, в политической партии такого наименования и в литературе всячески старается совершенно отрешить себя от вероисповедного начала, от православия, от философского учения, с ним связанного, т. е. славянофильства, и открыто провозглашает себя "зоологическим", т. е. беспринципным национализмом, союзом

государственной и племенной самозащиты – и только. <...> Переноса свой патриотизм на почву такого безрелигиозного, а только юридического и экономического непонимания, наши писатели, ораторы и деятели должны бы именоваться не националистами, но антинационалистами, строителями не исторической России, а петербургской, не Святой Руси, а русской Англии или Германии, русского языческого Рима», – констатировал Антоний [9: 639].

Приведенные выше факты и свидетельства наглядно показывают, что отношение митрополита к идеологии и практике русского национализма было критическим. Для архипастыря были неприемлемы ни «зоологический» антисемитизм, ни западнические секулярные тенденции, проявлявшиеся в русском национализме в начале XX в. Но, в отличие от огульной критики русского национализма, звучавшей из левого и леволиберального лагеря с интернационалистических или космополитических позиций, волынский архиерей критиковал националистов с позиций церковных, консервативных и национально-патриотических. Он, как и представители современного ему русского национализма, не был сторонником еврейского равноправия, ратовал за самобытный национальный путь развития России (в классическом славянофильском его понимании), верил в особое призвание русского народа, критиковал интернационализм и космополитизм, но при этом считал глубоко ошибочным превращать русский национализм в копию национализма западного, имевшего в своем основании римские языческие корни, ведущие к расизму, национальной гордыне и коллективному эгоизму. При этом владыка не был противником употребления термина «национализм» в позитивном ключе, если подразумевать под ним, в первую очередь, борьбу за духовно-нравственные устои нации, а отнюдь не за ее господство, преобладание и осуществление ею материального благополучия как основополагающей цели. Являясь критиком национализма, который проповедовали политические силы, назвавшиеся русскими националистами, Антоний (Храповицкий) не отрицал его как таковой, а лишь призывал следовать «истинному национализму», подчиненному религиозному идеалу и отстаивающему самобытность русской жизни. Критика, которую архиерей обрушивал на русских националистов, имела характер пастырского увещания и наставления, имевших целью не сокрушить политических конкурентов, а лишь направить их деятельность в церковно-патриотическое русло, поставив ее на службу мессианской идее – сохранению и защите чистоты православной веры и православного характера российской государственности. Но убедить русских националистов следовать этим путем у Антония не получилось. Несмотря на поддержку националистами православ-

ной церкви и их заявления о приверженности «исконным русским началам», русский национализм к концу существования Российской империи все больше и больше приобретал светские западноевропейские черты и постепенно двигался в направлении либерального представления о благополучии нации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Strickland J.* The Making of Holy Russia. The Orthodox Church and Russian Nationalism before the Revolution. New York: Holy Trinity Publications, 2013. 317 p.

2. *Антоний (Храповицкий).* Еврейский вопрос и Святая Библия // Митрополит Антоний (Храповицкий). Сила Православия / Сост., предисл., прим., указатель имен А.Д. Каплина. М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. С. 123–137.

3. *Антоний (Храповицкий).* Наш национализм и загадка Пушкина // Волинские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1914. № 4. С. 52–54.

4. *Антоний (Храповицкий).* Наш национализм и задача Пушкина // Голос Руси. 1914. 3 янв.

5. *Антоний (Храповицкий).* Нравственность черного и белого духовенства // Волинские епархиальные ведомости. Неофициальная часть. 1908. № 31. С. 543–548.

6. *Антоний (Храповицкий).* Нравственность черного и белого духовенства // Волинские епархиальные ведомости. Неофициальная часть. 1908. № 32. С. 561–567.

7. *Антоний (Храповицкий).* О национализме и патриотизме. (Речь, сказанная на годовичном празднике Русского народного союза имени Архангела Михаила 8 ноября за панихидой по убиенным крамольниками патриотам) // Волинские епархиальные ведомости. Неофициальная часть. 1909. № 51/52. С. 1015–1022.

8. *Антоний (Храповицкий).* Русская правда. (От председателя волинского предвыборного комитета) // Колокол. 1912. 9 авг.

9. *Антоний (Храповицкий).* Чей должен быть Константинополь? // Волинские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1915. № 44. С. 638–641.

10. *Антоний (Храповицкий).* Чей должен быть Константинополь? Ростов н/Д: Типография «Электра», 1916. 11 с.

11. *Антоний (Храповицкий).* Что значит быть русским националистом? // Киев. 1914. 3 янв.

12. *Безак Ф.Н.* Воспоминания о Киеве и о гетманском перевороте // Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов / Сост. и ред. А.А. Иванов; вступ. ст., биограф. словарь и коммент. А.А. Иванова, С.Г. Зирина. М.: НП «Посев», 2008. 748 с.

13. Беседы Высокопреосвященнейшего архиепископа Антония, произнесенные в духовной семинарии // Волинские епархиальные ведомости.

Часть неофициальная. 1910. № 19. С. 361–363.

14. *Бородин А.П.* Антоний (Храповицкий) // Государственный совет Российской империи: 1906–1917. Энциклопедия. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 10.

15. *Глаголев А.А.* Ветхий Завет и его непреходящее значение в христианской Церкви. Киев: Типография «Петр Барский», 1909. 61 с.

16. *Демин В.А.* Верхняя палата Российской империи. 1906–1917. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 376 с.

17. *Драгомиров М.И.* Наши делишки. (Одиннадцатая дюжина) // Разведчик. 1905. № 761. С. 415–416.

18. Злодейское покушение на архиепископа Антония // Волынские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1911. № 45. С. 878–879.

19. *Иванов А.А.* Были ли русские националисты черносотенцами? (О статье И.В. Омелянчука) // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 171–175.

20. *Иванов А.А., Чемакин А.А.* Православное духовенство и русский национализм в начале XX в. // Вопросы истории. 2018. № 9. С. 153–166.

21. Из церковной жизни епархии // Волынские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1908. № 16. С. 333–334.

22. Из церковной жизни епархии // Волынские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1908. № 46. С. 806–807.

23. Известия и заметки по Харьковской епархии. 1914. № 8. С. 275–279.

24. *Иустин (Попович), архим.* Тайна личности митрополита Антония и его значение для православного славянства // Православная жизнь (Джорданвиль). 1976. № 8. С. 1–13.

25. *Калюжина И.В.* Антоний (Храповицкий А.П.) // Общественная мысль русского зарубежья: энциклопедия. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 180–182.

26. *Кирьянов Ю.И.* Русское собрание 1900–1917. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 352 с.

27. *Коцюбинский Д.А.* Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 528 с.

28. Национализм. Полемика 1909–1917 / Сост. М.А. Колеров. 2-е изд. М.: Модест Колеров, 2015. 304 с.

29. *Никон (Рклицкий), архиеп.* Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк, 1956–1963. Т. 1–10.

30. *Омелянчук И.В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев: МАУП, 2006. 744 с.

31. Разные известия и заметки // Минские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1912. № 9. С. 267–268.

32. Речь архиепископа Антония генерал-адъютанту Н.И. Иванову // Волынские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1913. № 4. С. 56–57.

33. *Росляков Е.С.* Митрополит Антоний (Храповицкий) в советской историографии 1920–1930-х годов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 6 (110). С. 170–174.

34. *Санькова С.М.* Русская партия в России: образование и деятельность

Всероссийского национального союза (1908–1917). Орел: Издатель Светлана Зенина, 2006. 370 с.

35. Слово в неделю св. жен-мироносиц, сказанное в житомирском кафедральном соборе 20-го апреля 1903 года епископом Антонием // Волинь. 1903. 2 мая.

36. Слово Высокопреосвященнейшего Антония при погребении Преосвященнейшего Арсения, архиепископа Харьковского и Ахтырского 1 мая 1914 года // Волинские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1914. № 22. С. 368–371.

37. Степанов А.Д. Антоний (Храповицкий) // Черная сотня. Историческая энциклопедия. 1900–1917. М.: Крафт+, Институт русской цивилизации, 2008. С. 34–37.

38. Съезд волинских деятелей в Киеве // Волинские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1912. № 16. С. 337–338.

39. Федевич К.К., Федевич К.І. За Віру, Царя і Кобзаря. Малоросійські монархісти і український національний рух (1905–1917 роки). Київ: Критика, 2017. 308 с.

40. Хижий М.Л. Архиепископ Антоний (Храповицкий) и евреи // Труды по еврейской истории и культуре. Материалы XXIII Международной ежегодной конференции по иудаике / Отв. ред. В.В. Мочалова. М.: Пробел-2000, 2017. С. 321–326.

41. Чемакин А.А. Истоки русской национал-демократии: 1896–1914 годы. СПб.: Владимир Даль, 2018. 651 с.

42. Чемакин А.А. Русские национал-демократы в эпоху потрясений: 1914 – начало 1920-х годов. СПб.: Владимир Даль, 2018. 606 с.

43. Шульгин В.В. Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны / Сост., вступ. ст., послесл. Н.Н. Лисового. М.: ОЛМА-ПРЕСС, Звездный мир, 2002. 588 с.

44. Э.П.Р. Антоний (Храповицкий Алексей Павлович) // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. Т. 2. С. 646–652.

REFERENCES

1. Strickland, J. (2013) *The Making of Holy Russia. The Orthodox Church and Russian Nationalism before the Revolution*. New York: Holy Trinity Publications.

2. Metropolitan Anthony (Khrapovitsky). (2012) *Sila Pravoslaviya* [The Power of Orthodoxy]. Moscow: Institute of Russian Civilization, Algorit. pp. 123–137.

3. Metropolitan Anthony (Khrapovitsky). (1914a) Nash natsionalizm i zagadka Pushkina [Our nationalism and the mystery of Pushkin]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 4. pp. 52–54.

4. Metropolitan Anthony (Khrapovitsky). (1914b) Nash natsionalizm i zadacha Pushkina [Our nationalism and Pushkin's task]. *Golos Rusi*. 3rd January.

5. Metropolitan Anthony (Khrapovitsky). (1908a) Nrvastvennost' chernogo i belogo dukhovenstva [Morality of black and white clergy]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 31. pp. 543–548.

6. Metropolitan Anthony (Khrapovitsky). (1908b) *Nravstvennost' chernogo i belogo dukhovenstva* [Morality of black and white clergy]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 32. pp. 561–567.

7. Metropolitan Anthony (Khrapovitsky). (1909) O natsionalizme i patriotizme. (Rech', skazannaya na godichnom prazdnike Russkogo narodnogo soyuza imeni Arkhangel'a Mikhaila 8 noyabrya za panikhidoy po ubiennym kramol'nikami patriotam) [About nationalism and patriotism. (Speech made at the annual festival of the Archangel Mikhail's Russian People's Union on November 8 for a memorial service for patriots killed by seditionists)]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 51/52. pp. 1015–1022.

8. Metropolitan Anthony (Khrapovitsky). (1912) *Russkaya pravda*. (Ot predsedatelya volynskogo predvybornogo komiteta) [Russian truth]. *Kolokol*. 9th August.

9. Metropolitan Anthony (Khrapovitsky). (1915) *Chey dolzhen byt' Konstantinopol'?* [Whom should Constantinople belong to?]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 44. pp. 638–641.

10. Metropolitan Anthony (Khrapovitsky). (1916) *Chey dolzhen byt' Konstantinopol'?* [Whom should Constantinople belong to?]. Rostov on the Don: Elektra.

11. Metropolitan Anthony (Khrapovitsky). (1914c) *Chto znachit byt' russkim natsionalistom?* [What does it mean to be a Russian nationalist?]. *Kiev*. 3rd January.

12. Bezak, F.N. (2008). *Vospominaniya o Kieve i o getmanskom perevorote* [Memories of Kiev and the Hetman coup]. In: Ivanov, A.A. (ed.) *Vernaya gvardiya. Russkaya smuta glazami oftserov-monarkhistov* [Faithful Guard. Russian unrest through the eyes of monarchist officers]. Moscow: Posev.

13. Metropolitan Anthony (Khrapovitsky). (1910) *Besedy Vysokopreosvyashchenneyshego arkhiepiskopa Antoniya, proiznesennyye v dukhovnoy seminarii* [Conversations of His Eminence Archbishop Antony, delivered at the Theological Seminary]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 19. pp. 361–363.

14. Borodin, A.P. (2008) *Antony (Khrapovitsky)*. In: Ivanov, B.Yu. et al. (eds) *Gosudarstvennyy sovet Rossiyskoy imperii: 1906–1917* [The State Council of the Russian Empire: 1906–1917. Encyclopedia]. Moscow: ROSSPEN. pp. 10.

15. Glagolev, A.A. (1909) *Vetkhyy Zavet i ego neprekhdoyashchee znachenie v khristianskoy Tserkvi* [Old Testament and its intrinsic significance in the Christian Church]. Kiev: Petr Barskiy.

16. Demin, V.A. (2006) *Verkhnyaya palata Rossiyskoy imperii. 1906–1917* [The Upper Chamber of the Russian Empire. 1906–1917]. Moscow: ROSSPEN.

17. Dragomirov, M.I. (1905) *Nashi delishki* [Our business]. *Razvedchik*. 761. pp. 415–416.

18. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. (1911) *Zlodeyskoe pokushenie na arkhiepiskopa Antoniya* [The villainous attempted assassination of Archbishop Anthony]. 45. pp. 878–879.

19. Ivanov, A.A. (2008) *Byli li russkie natsionalisty chernosotentsami? (O stat'e I.V. Omel'yanchuka)* [Were Russian Nationalists a Kind of "Black Hundreders"?]. *Voprosy istorii – Issues of History*. 11. pp. 171–175.

20. Ivanov, A.A. & Chemakin, A.A. (2018) Pravoslavnoe dukhovenstvo i russkiy natsionalizm v nachale XX v. [Orthodox clergy and Russian nationalism in the early 20th century]. *Voprosy istorii – Issues of History*. 9. pp. 153–166.

21. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. (1908a) Iz tserkovnoy zhizni eparkhii [From the church life of the diocese]. 16. pp. 333–334.

22. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. (1908b) Iz tserkovnoy zhizni eparkhii [From the church life of the diocese]. 46. pp. 806–807.

23. *Izvestiya i zametki po Khar'kovskoy eparkhii*. (1914) 8. pp. 275–279.

24. Iustin (Popovich). (1976) Tayna lichnosti mitropolita Antoniia i ego znachenie dlya pravoslavnogo slavyanstva [The Mystery of the personality of Metropolitan Anthony and its Role for the Orthodox Slavs]. *Pravoslavnaya zhizn'*. 8. pp. 1–13.

25. Kalyuzhina, I.V. (2009) Antony (Khrapovitsky, A.P.) [Antoni (Khrapovitskiy A.P.)]. In: Zhuravlev, V.V. (ed.) *Obshchestvennaya mysl' russkogo zarubezh'ya: entsiklopediya* [Social life of the Russian abroad. Encyclopedia]. Moscow: ROSSPEN. pp. 180–182.

26. Kiryanov, Yu.I. (2003) *Russkoe sobranie 1900–1917* [Russian Assembly 1900–1917]. Moscow: ROSSPEN.

27. Kotsyubinsky, D.A. (2001). *Russkiy natsionalizm v nachale XX stoletiya: Rozhdenie i gibel' ideologii Vserossiyskogo natsional'nogo soyuza* [Russian nationalism in the early 20th century: The birth and death of the All-Russian National Union ideology]. Moscow: ROSSPEN.

28. Kolerov, M.A. (ed.) (2015) *Natsionalizm. Polemika 1909–1917* [Nationalism. Controversy 1909–1917]. Moscow: Modest Kolerov.

29. Nikon (Rklickij). (1956–1963) *Zhizneopisanie blazhenneyshego Antoniia, mitropolita Kievskogo i Galitskogo* [Biography of His Beatitude Anthony, Metropolitan of Kiev and Galicia]. New York: [s.n.].

30. Omelyanchuk, I.V. (2006) *Chernosotennoe dvizhenie v Rossiyskoy imperii (1901–1914)* [Black Hundred Movement in the Russian Empire. (1901–1914)]. Kiev: MAUP.

31. *Minskie eparkhial'nye vedomosti*. (1912). Raznye izvestiya i zametki [Miscellanea]. 9. pp. 267–268.

32. Metropolitan Anthony (Khrapovitsky). (1913) Rech' arkhiepiskopa Antoniia general-ad'yutantu N.I. Ivanovu [The speech of Archbishop Anthony to General N.I. Ivanov]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 4. pp. 56–57.

33. Roslyakov, E.S. (2016) Bishop Antoni (Khrapovitsky) in the Soviet historiography in the 1920–1930s. *Izvestiya Volgogradskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 6(110). pp. 170–174. (In Russian).

34. Sankova, S.M. (2006) *Russkaya partiya v Rossii: obrazovanie i deyatel'nost' Vserossiyskogo natsional'nogo soyuza (1908–1917)* [The Russian Party in Russia: Formation and Activities of the All-Russian National Union (1908–1917)]. Orel: Svetlana Zenina.

35. Metropolitan Anthony (Khrapovitsky). (1903) Slovo v nedelyu sv. zhenmironosits, skazannoe v zhitomirskom kafedral'nom sobore 20-go aprelya 1903 goda episkopom Antoniem [The speech on the day of the holy myrrh-bearing

women delivered in the Zhytomyr Cathedral on April 20, 1903, by Bishop Anthony]. *Volyn'*. 2nd May.

36. Metropolitan Anthony (Khrapovitskiy). (1914d) Slovo Vysokopreosvyashchenneyshego Antoniya pri pogrebenii Preosvyashchenneyshego Arseniya, arkhiepiskopa Khar'kovskogo i Akhtyrskogo 1 maya 1914 goda [The word of His Eminence Anthony at the burial of the Monk Arseny, the Archbishop of Kharkov and Akhtyrsk, on May 1, 1914]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 22. pp. 368–371.

37. Stepanov, A.D. (2008). Antoniyy (Khrapovitskiy). In: Platonov, O.A. (ed.) *Chernaya sotnya. Istoricheskaya entsiklopediya. 1900–1917* [The Black Hundred. Historical Encyclopedia] Moscow: Kraft+. pp. 34–37.

38. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. (1912) S'ezd volynskikh deyateley v Kieve [The congress of Volhynia figures in Kiev]. 16. pp. 337–338.

39. Fedevich, K.K. & Fedevich, K.I. (2017) *Za Viru, Tsarya i Kobzarya. Malorosiys'ki monarkhisti i ukraïns'kiy natsional'niy rukh (1905–1917 roki)* [For Faith, Tsar and Kobzar. Ukrainian monarchists and the Ukrainian national movement (1905–1917)]. Kyiv: Kritika.

40. Khizhiy, M.L. (2017) Arkhiepiskop Antoniyy (Khrapovitskiy) i evrei [Archbishop Anthony (Khrapovitskiy) and the Jews]. In: Mochalova, V.V. (ed.) *Trudy po evreyskoy istorii i kul'ture* [Works on Jewish History and Culture]. Moscow: Probel-2000. pp. 321–326.

41. Chemakin, A.A. (2018) *Istoki russkoy natsional-demokratii: 1896–1914 gody* [The origins of the Russian national democracy: 1896–1914]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.

42. Chemakin, A.A. (2018) *Russkie natsional-demokraty v epokhu potryaseniyy: 1914 – nachalo 1920-kh godov* [Russian National Democrats in an era of upheaval: 1914 – early 1920s]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.

43. Shulgin, V.V. (2002) *Posledniy ochevidets: Memuary. Ocherki. Sny* [The last witness: Memoirs. Essays. Dreams]. Moscow: OLMA-PRESS, Zvezdnyy mir.

44. E.P.R. (2001) Antoniyy (Khrapovitskiy Aleksey Pavlovich) [Anthony (Khrapovitskiy, Aleksey Pavlovich)]. In: Patriarch of Moscow and All Russia. (ed.) *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol.2. Moscow: Pravoslavnyaya entsiklopediya. pp. 646–652.

Иванов Андрей Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Andrei A. Ivanov — St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru